

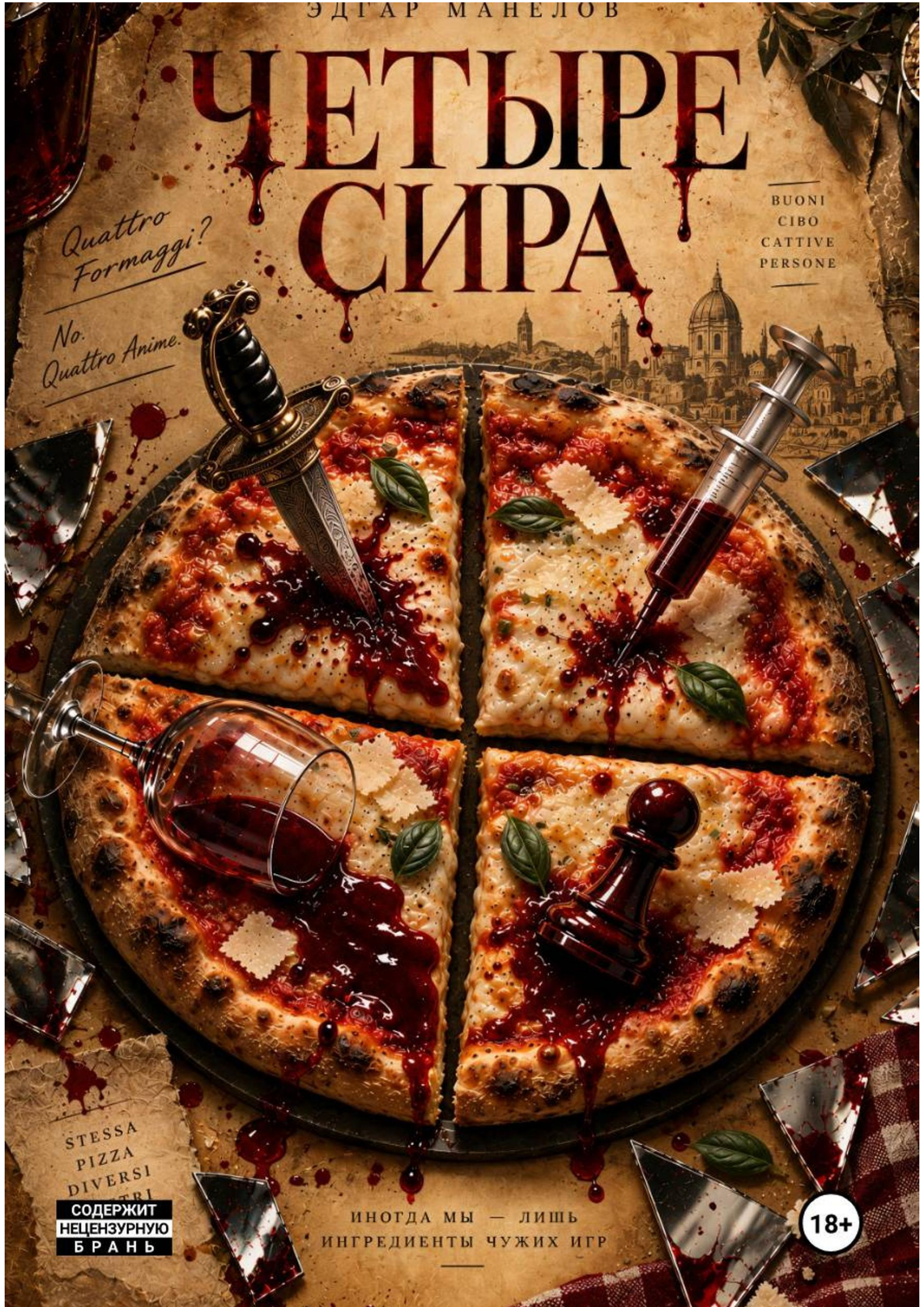
ЭДГАР МАНЕЛОВ

ЧЕТЫРЕ СИРА

*Quattro
Formaggi?*

*No.
Quattro Anime.*

BUONI
CIBO
CATTIVE
PERSONE

STESSA
PIZZA
DIVERSI

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

ИНОГДА МЫ — ЛИШЬ
ИНГРЕДИЕНТЫ ЧУЖИХ ИГР

18+

Эдгар Манелов

Четыре Сира

«Автор»

2026

Манелов Э.

Четыре Сира / Э. Манелов — «Автор», 2026

Я — пират Кидд. Застрял в голове у парня по имени Гоша. Со мной зануда-доктор Кроу и какой-то аристократ Бруно. У нас проблема: нас связали и везут к криминальному авторитету по кличке Вампир, который считает, что мы украли какие-то важные документы. Или не украли. Неважно. Кроу (сухо): — Чисто технически он гонится за Гошей. Мы просто голоса в голове. Но шансы на выживание — минимальные. Бруно (театрально): — Не просто! Мы — его команда! У нас нет плана, но есть карты в рукаве. А ещё предательство, пицца, психушка, погоня на скутере, театр, разбитое зеркало и одно очень важное фото. И много вина или вины. Смотря, как посмотреть. Кидд (злобно): — Жаль, не рома. Это история о том, как сломанный человек остался человеком, когда другие давно забыли, как им быть. Ну что, прыгаешь на борт, салага?

© Манелов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эдгар Манелов

Четыре Сира

Глава

«Как только ты примешь свои недостатки, никто не сможет использовать их против тебя»[1]

— Тирион Ланнистер, персонаж романов Джорджа Мартина из цикла «Песнь Льда и Пламени» / сериала «Игра престолов»

I

Говорят, если слышишь голоса — ты сумасшедший. Я не спорю. Просто эти трое — пират, врач и аристократ — знают обо мне больше, чем любой живой психолог. И сейчас, когда меня везут связанным, они спорят громче, чем тарахтит мотор этой бандитской машины.

Всё тело ломило от боли, казалось, меня просто разобрали на куски. Я даже не знал, какая часть болит сильнее — каждая тянула своё, и всё это вместе превращалось в один сплошной вопль.

Первым в голове, как всегда не вовремя, взорвался голос Капитана Кидда Батла:

— И почему ты сидишь и ничего не делаешь?

— А что я могу сделать? — мысленно огрызнулся я. — Связан, избит, везут непонятно куда. Отличный момент для геройства.

— Ты всегда можешь что-то придумать! — не унимался пират. — Я столько раз был на волоске от гибели, я бы точно...

— Кидд, заткнись, — оборвал его доктор Эдвард Кроу, образовавшись рядом и внимательно рассматривая моё помятое лицо. — И так понятно, что мы в полном дерьме!

Бруно Леони элегантно, как и подобает аристократу, материализовался на заднем сиденье, перекинув ногу на ногу, и подключился со своей иронией:

— Прошу прощения, док, вы имеете в виду наше физическое состояние? Или общее положение дел?

Демонстративно приняхавшись, Кроу холодно заключил:

— Пока что я про общую ситуацию, но если мы будем продолжать в том же духе, то, возможно, придём к первому варианту.

— В последние месяцы это наше постоянное кредо, — тихо подытожил Бруно.

Ремень тяжело давил на грудь, похоже, рёбра сломаны. Руки связаны, толком даже не двинешься. Вдруг я задумался: а когда всё в моей взрослой жизни действительно пошло наперекосяк?

— Эй, парень, ты чего там бормочешь? — хрипло спросил верзила, косо взглянув.

— Вспоминаю, как попал в это дерьмо, — протяжно ответил я, тяжело вздохнув.

— Все иногда влипают. Ну и как?

— Сам во всём виноват.

Он хмыкнул, но ничего не сказал. А я закрыл глаза и провалился в прошлое, снова оказавшись в её кабинете.

Сначала я думал, что посещение психолога — это полная авантюра и попросту одна из новых последних тенденций. Некоторые от отчаяния идут в церковь — там я уже был.

Поэтому теперь сижу в удобном кресле и жалуюсь Елизавете, что погряз в долгах, что меня ищут, что не знаю, как выбраться из этой круговой поруки, а вдобавок слышу непонятные голоса в голове. И что самое интересное — она совершенно спокойно на это реагирует: не говорит, что я псих, не называет меня конченым игроком, только слушает и время от времени пытается натолкнуть на правильные мысли и варианты решения проблем.

Парадокс в том, что я взял в долг, чтобы сходить к психологу, который, может быть, поможет мне избавиться от долгов.

К сожалению, сегодня она никак не отреагировала, когда я назвал её Рейчел. Перевела разговор в профессиональное русло и что-то записывала в свой блокнот с изображением группы Linkin Park[2].

— Как давно у вас голоса?

— Кажется, около года.

— Это один голос или разные?

Звук миниатюрного Биг-Бена[3] на стене объявил, что уже 14:00 и мой сеанс окончен.

— Вам говорили, что рядом с вами время летит чертовски быстро? Может, у вас в кабинете есть специальная кнопка для перемотки сеанса?

Наконец, она улыбнулась.

— Гоша, если бы вы бесконечно не рассказывали увлекательные истории о своей студенческой жизни, мы бы добились гораздо большего эффекта.

Нехотя приподнимаясь с удобного кресла, я не мог остановиться:

— Это же информация для полноты моего образа, вам как профессионалу должен быть важен каждый момент.

— Особенно тот, в котором вы в баре подпаливаете случайно барную стойку, свои ресницы и своего собутыльника?

— Может, для полноты картины я покажу вам эту барную стойку? Если в кабинете слишком мало разговоров о терапии, то может, в неформальной обстановке будет наоборот?

Елизавета продолжала улыбаться, молча записывая что-то в блокнот. Нелепый кивок наполнил мои глаза блеском. Стукнув в гонг на прощание, вслед я лишь крикнул:

— В семь, в Брендбаре. И прихватите огнетушитель на всякий случай.

Кактус в углу мне подмигнул, оставив записку, что она точно придёт.

Сигнал автомобиля и порция бранных слов в адрес какого-то лихача вернули меня в действительность. Водитель успокоился и неожиданно спросил:

— Ну и что, твоя психологичка пришла?

Я повернулся в его сторону и долго смотрел в недоумении.

— Ну и что молчишь, онемел?

— Пришла... и после этого всё понеслось коту под хвост, — я произнёс с грустью, посмотрев в окно.

Он достал пачку красного «Мальборо»[4], приоткрыл окно, прикурил массивной серебряной Zippo[5] и глубоко затянулся. Вместе с дымом появилось глобальное философское умозаключение:

— Все проблемы в мире из-за женщин, поэтому мир и придумал проституток!

Кидд и Бруно наострили уши, аристократ решил вклиниться в философский разговор:

— А куда, интересно, отправляются проститутки по окончании своей службы? Наверное, должно быть специальное учреждение... Дом престарелых шлюх или университет, где они преподают шлюхологию будущим дарованиям?

— Парень, что ты там бурчишь? Шлюхологию? — верзила хрипло заржал. — Ты мне нравишься, надо бы снять тебе девочку перед встречей с Вампиром, никто бы не отказался пару раз кончить перед своей кончиной.

Смех превратился в помесь умирающего мотора и крика голодной чайки. Проржавившись, он спросил:

— Ну так что там было дальше?

Я замялся. Мысленно был уже в баре, набитом людьми.

Бар был заполнен до отказа. Полутёмная атмосфера: бесконечный звон пивных бокалов, тосты, смех. Крики «официант!», «повторите!» постоянно смешивались с голосом басистого комментатора.

Мартин нудно рассказывал о своей новой начальнице и о том, как она его пилит, но я смотрел только на экран:

— Она постоянно говорит, что у меня слишком мало продаж и от меня не исходит никакой инициативы!

Внезапное возмущение друга вернуло меня в диалог:

— Но ты же maestro ответственности и работоспособности. Может, ты ей нравишься, вот она к тебе и цепляется? Эдакий синдром школьницы?

— Представил эту шестидесятилетнюю мадам в школьной форме... Это были бы странные ролевые игры, — Мартин от души рассмеялся.

Воображение заставило меня улыбнуться. Молоденькая официантка принесла мне ещё бокал пива и новую порцию орешков — явно преодолела ту границу, после которой гость решает, оставлять чаевые или нет.

— Гош, так у тебя там что? Решил свои проблемы?

Закинув орешек, сделав глоток, некоторое время я молчал. После чего всё-таки решился поделиться с другом:

— У моего психолога Елизаветы, ну ту, которую я всегда называю Рейчел, есть один очень влиятельный пациент — бизнесмен Виктор Афанасьевич Пиров. Она сказала, что видит во мне большой потенциал и расскажет ему о моей ситуации. Через неделю в гостинице Palazzo будет крупный турнир по покеру. Если он согласится меня проспонсировать, то получит свою долю с возможного выигрыша.

— Я что-то слышал про него, вроде какая-то местная шишка, с ним шутки плохи, — Мартин помрачнел — то ли из-за моих слов, то ли из-за тёмного эля.

Я почти шёпотом протянул:

— Как будто у меня есть какой-то выбор?

Концовку Мартин уже не услышал. По залу обрушился крик «Гооооооол!», шквал пивных бокалов потянулся вверх, пьяные объятия и крики оккупировали всё вокруг. Я только подумал: это хороший знак.

Но мысли прервал комментатор:

— Офсайд...

Надеюсь, я не попаду в положение вне игры.

Мой рассказ прервал голос Кроу:

— Ты слышал, бандюга обрывками сказал, что нас везут к Вампиру? Паршиво... — Кроу задумался. — Интересно, какую группу крови он предпочитает?

Я повернулся в сторону водителя, и во мне впервые проснулись признаки вежливости:

— Слушай, а как тебя зовут? А то путь всё равно не близкий.

Громила поправил галстук, достал красный платок и протёр лысину от пота и с небольшой одышкой бросил:

— Пашка.

— Я бы пожал тебе руку, но у меня с этим небольшие проблемы, благодаря тебе, — Кидд с Бруно в этот момент ухмыльнулись.

— Паш, ты сказал, меня везут к Вампиру?

— Ага.

— Но почему? — брови от замешательства взметнулись ко лбу. А в мыслях были лишь жалкие догадки.

Хрип голодной чайки прорвался:

— Хах, так ты ж у него важные документы какие-то умыкнул, а то сам не в курсе?

Мы с моим внутренним «оркестром» молча повернулись друг к другу в полнейшем недоумении:

— Ну вообще-то не в курсе, — удивления в этой фразе хватало на весь квартет.

Продолжая спокойно рулить, Паша локтем зарядил мне прямо в нос. Прозвучал подозрительный хруст:

— Ну что, вспомнил!?

— Эээ... Ты фто, меня убить хофефь?

Что-то липкое и тёплое поползло по подбородку.

Док со стетоскопом появился немедленно:

— Пара ссадин, несколько подбитых рёбер и сломанный нос. Диагноз — острый приступ драматизма. От этого не умирают.

Громила протёр лоб, тяжело дыша, и сказал:

— Лучше не задавай вопросов, а продолжай свою историю. У тебя хорошо получается.

— А ты не размахивай своими руками направо и налево, дорогой товарищ! С разбитым носом не так-то легко говорить, — возмутился я и сам удивился на секунду своей храбрости.

Но чтобы не стало больнее, я снова погрузился в прошлое.

Величественное здание охраняли два не менее величественных мраморных льва. Утренний снег щедро запорошил их гривы, сделав их почти живыми. Стоя перед входом, сразу понимаешь: дальше тебя ждёт увлекательное сафари. И только за массивными дубовыми дверями происходит естественный отбор, который показывает — кто здесь опасный гепард, а кто наивная антилопа.

Фойе в гостинице Palazzo ещё отдавало новогодними праздниками. Кое-где висели гирлянды, барная стойка была увешана игрушками и чулками Санта-Клауса, тихим фоном звучало «Last Christmas» группы Wham[6], которая порядком надоела. Почти Лас-Вегас, только более спокойный.

В первый игровой день турнира зал был полностью окрашен в зелёно-белый. Крупье играли свою музыку фишками разных цветов. Всё это напоминало закулисье дешёвого кабаре: дым, пот, голые коленки и взгляды, которые обещали больше, чем карточные комбинации. Пьяные крики звучали грязнее, чем предложения сутенеров с соседней улицы. До утра никто не помнил, кто кому проиграл, а кто — проигрался сам.

На третий игровой день зал опустел, и можно было услышать своё эхо в любом углу. Зелёное сукно приятно успокаивало ладони. Напротив меня сидел очередной персонаж, без которого не обходится ни один Санта-Клаус, — полный олень, изрядно меня провоцирующий. Белая ковбойская шляпа, серьга, лыжные очки: то ли Чак Норрис[7], то ли Никита Джигурда[8].

— Парень, я знаю все приёмы твоего жалкого учителя. Дедушка Трехо уже давно не топовый игрок. Ты хотя бы навеещаешь его в доме престарелых? — ковбой нагло продолжал смотреть мне в глаза.

У меня была пара семёрок. После серии взаимных подёмов ставок крупье раздал ещё три карты: бубновый валет и девятка той же масти, и пиковую двойку.

Агрессор моментально двинул ещё одну порцию фишек, сделав жадный глоток дешёвого виски:

— Повышаю ещё на сто тысяч... За второе место дают солидную сумму, сможешь нанять частную сиделку для своего учителя, пацан вчерашний.

Стараясь не слушать ерунду, я начал сухой анализ: скорее всего, он ставит, чтобы выбить меня из раздачи, потому что у него не готовая рука.

Холодный и уверенный голос в голове возник из ниоткуда:

— Пытается поймать либо стрит, либо флэш. Уравнивай.

Медленно пересчитав нужное количество, я придвинул фишки к центру стола:

— Поддерживаю.

Крупье театрально открыл четвёртую карту. Это была пятёрка червей.

Визави это очень не понравилось, он дольше обычного подбирал колкости:

— Альцгеймер — это не страшно. Можешь носить ему видеокассеты с детских утренников, играя. Я ставлю всё — олл-ин!

Эта карта ничего не изменила. Требование внутреннего голоса было почти криком: «Уравнивай!»

Вся толпа окружила меня плотным кольцом и в момент умолкла. Зал наполнился мёртвой тишиной, и только эхо в дальнем углу повторило «поддерживаю», а затем зал взорвался аплодисментами.

Мы вскрыли карты. У моего оппонента были разномастные дама с десяткой.

Крупье посмотрел сначала на меня, потом на рождественского оленя. Последняя карта переворачивалась так же долго, как рассасывается утренняя пробка в Москве.

Ковбой приподнялся, обхватив стол обеими руками, — было ощущение, что он хочет перевернуть стол.

Пиковая шестёрка — и волна фишек, направленная в мою сторону, могла заставить меня заняться серфингом.

Белая ковбойская шляпа полетела в крупье вместе с порцией грязных проклятий.

Не успев обменяться с ним рукопожатием, я лишь бросил вдогонку:

— Обязательно передам от тебя привет дедушке Трехо, малыш!

Парочка фишек взлетела в воздух и была успешно поймана молодым парнем в бабочке.

— А ты красава! — вернул меня в реальность хриплый голос Паши. — Прохавал, что там блеф. У меня бы очко сжалось, сбросил бы. Трехо в своё время был одним из лучших игроков.

Громила стал поправлять галстук почаще. Платок уже был напрочь мокрый, но всё ещё выполнял свою функцию. Вторая сигарета дымила по всему салону. Я не стал делать замечание — кровь только перестала идти.

В салоне заиграл блатняк: «Кольщик наколи мне куполааааа». Паша взглянул на экран, допел в такт рингтону, посерьёзнев, взял трубку:

— Да, шеф... Всё путем, будем через полтора часа... Ага, понял...

Сбросил звонок, бросив телефон на панель.

— Тебя ждут, — хмыкнул он. — Видимо, соскучились.

— Полтора часа? — переспросил я.

В ответ он закивал и снова громко закашлял.

Док материализовался за секунду до звонка, подслушивая разговор по телефону.

— Он странно себя ведёт, даже покраснел слегка и кашель ужасный...

В этот раз Паша выбрал моё колено, а его кулак — что пудовая гирия.

— А ну не пялься на меня! — рявкнул бандит.

Прикусив губу, я полыхнул:

— Да за что, бя! Больно же!

— Просто смотри вперёд и рассказывай, и больно не будет, — так сладко мне ещё не угрожали.

Тяжело выдохнув и отвернувшись в сторону запотевшего окна, я снова услышал голос автомобиля, теперь уже того, который вёз меня с того самого злополучного турнира.

Машина плавно бежала, обгоняя заснеженные леса и поля. Эйфория от успеха была ключом. До встречи с Пировым оставалось полчаса, его ребята согласились вежливо меня сопроводить. Крепко сжимая кейс двумя руками, я слушал, как водитель не переставал восхищаться, как я вскрыл парня по слабой паре. В голове прокручивал, как заберу свои проценты, раскидаюсь с долгами и кредитами и буду играть в волейбол на белом песочке под обжигающим солнцем.

Резкий звук тормоза, свист колёс: я не успел ничего понять — только запах, резкий, сладковатый, и темнота.

Очнулся на обочине вместе с первыми звёздами. Пустая дорога, ни машины, ни кейса. Только холод, грязь на куртке и мысли, которые путались и не могли найти выход.

Первая мысль была — Рейчел. Она говорила, что Виктор Афанасьевич надёжный, что ему можно верить. Я набрал её номер. Руки тряслись.

— Похоже, меня кинули, — сказал я в трубку слабым голосом. — Всё, что выиграл, забрали, ещё и накачали каким-то дерьмом.

Она молчала секунду, потом заговорила спокойно, почти ласково, как на сеансе:

— Не волнуйся, я помогу. Я знаю, что делать. Тебе нужно временно укрыться в одном месте, как раз восстановишь силы и эмоциональное состояние. Дальше придумаем, как вернуть деньги. Я всё устрою. Поезжай по адресу, который сейчас скину, это реабилитационный центр, я там иногда работаю.

Слава богу, геолокация работала, и вот таксист уже, взяв с меня одни из последних купюр, умчался, оставив лишь свет красных огоньков за собой.

Она встретила меня первая. Ноги подкашивались, всё плыло. Следом подключился какой-то мужчина в белом.

— Я приеду через неделю, отдохни пока что.

Последние её слова, которые я помню перед падением в пропасть.

После этих слов я некоторое время молчал, пытался догнать свет фар своим взглядом. Безлюдная дорога, похоже, мы ещё далеко от города.

— Кх-кх-кх... — верзила кашлял и лучшим решением в данной ситуации считал очередную сигарету. Колёсико чиркнуло.

Лондонский туман снова поглотил весь салон.

— Ну и что ты притих, пацан? Помогла эта баба в итоге? Или акции «межног банка» оказались фальшивыми?

Опустив голову, уставившись на пятна крови по всему телу, я почти шёпотом выдавил:

— Помогла... Пытаясь спасти утопающего, продолжала держать его голову под водой.

— Хах, говорил же, все проблемы из-за баб! — Паша кряхтел, но говорил это с видом гениального мыслителя времён древнего мира. — Вспомни хоть Елену Троянскую или Клеопатру...

Кроу появился и начал изучать водилу с профессиональным интересом.

Кашель уже буквально минуту заглушал рёв мотора. Лицо стало почти гранатового цвета. С неожиданным визгом шин мы остановились на обочине. Паша начал хватать себя за горло, жадно шарил что-то в карманах. Наконец, достав ингалятор, пару раз пшикнул. Секунда-две. Ничего не произошло, на лице отразилась паника, он выбросил его в окно. Задышавшись, он что-то промямлил, кажется «бардачок».

Я лишь на сантиметр приподнял связанные руки, кажется они говорили «мы немного заняты, прости», ремень врезался в грудь. Оставалось только смотреть.

Кое-как дотянувшись, громила добрался до бардачка, поворошил документы. Оттуда упала пачка Durex[9], две запакованные «Мальборо Красные» и какая-то жвачка. Лицо стало цвета запёкшейся крови.

Док скрестил руки на груди:

— Я нарушу клятву Гиппократата, если не окажу ему первую помощь? Но... — он криво усмехнулся, — формально мы сейчас связаны. Если он задохнётся, у нас появится шанс. Соответственно, моё исчезновение из твоей головы временно откладывается.

Бруно слегка подался вперёд с заднего сиденья:

— Может, бандюга отправится в рай, в котором проститутки бесплатные?

Кидд посмотрел на задыхающегося Пашу и тихо добавил:

— Надеюсь, он будет там евнухом.

Я долго смотрел на Пашу. Время растянулось, как резина. Каждая секунда длилась вечность. Я слышал, как он сипит. Слышал даже, как стучит моё сердце.

А потом он затих, выпучив глаза, и просто скатился.

Я сидел и смотрел. И впервые за весь вечер подумал: «А может, не всё так плохо?»

П

Освободиться от ремня оказалось проще, чем я думал. С верёвками пришлось возиться дольше.

— Ля пута! — выдохнул я, торжественно отбрасывая путы в сторону.

Дышать стало легче. И приятнее. Я чувствовал себя Ельциным, скинувшим с себя бразды правления.

Бруно в сторонке демонстративно щёлкнул карманными золотыми часами:

— По-моему, нам пора отсюда сваливать.

Я начал копошиться в своих карманах: какие-то жалкие копейки, ручка, пара купюр низшего сословия и телефон, экран которого был вдребезги разбит.

Кидд долго и внимательно осматривал Пашу в машине, резко заключив:

— Его срочно нужно отправить на корм рыбам, надеюсь, они любят жирное.

Я не без помощи ребят вытащил верзилу из машины и скатил на обочину, предварительно изучив его скудный арсенал. Из полезного было немного. С таким богатым боссом

валюты в кармане должно быть больше, да и тачка — ведро. Вампир точно ведёт себя как дядюшка Скрудж[10]. Но хотя бы телефон цел.

Самым ценным артефактом был пистолет, хотя Кидд был уверен, что презервативы...

Бруно, показывая на карманные часы, заладил:

— Тик-так, тик-так. Куда нам бежать и как? Кидд, ты же у нас мастер по побегам? Есть мысли?

На секунду я задумался: а куда мне вообще бежать? И есть ли в этом смысл: всё равно этот человек — Вампир, достанет человека даже из преисподни. Может, просто присесть здесь у обочины и посмотреть на звёзды?

Пират в этот момент молча достал карту и компас, нашёл нужное место и вскрикнул:

— Вот то, что нужно для любого отшельника!

Мы с Доком присмотрелись и одобрительно закивали.

Я сжал ключи в ладони. Пальцы всё ещё дрожали, в груди колотилось что-то тяжёлое, мешающее дышать. Другого пути не было. Только вперёд.

Провернув ключи, я решительным капитанским голосом огласил:

— Держим путь в заброшенный парк аттракционов!

Двигатель заревел, и колёса сами повели меня в неизвестное сегодня. Надеюсь, и в неизвестное завтра.

Кидд лишь недовольно ворчал:

— Он хотел вызвать тебе проститутку, между прочим. Нельзя его здесь бросать!

Иногда мне хотелось запустить в него чем-то тяжёлым.

Я зашипел, вдавил педаль газа и вылетел на просёлочную дорогу. Не помню, когда включил радио. Кажется, просто ткнул кнопку наугад. Оттуда полилась какая-то попса, потом заговорил диктор, и вдруг заиграло:

«Надежда — мой компас земной...»[11]

Но ровно через секунду в голове возник образ Эомера[12] из «Властелина колец», который пафосно обратился ко мне:

— Но не верьте надежде, она покинула эти края.

Истерика накрывала до боли в рёбрах. И я не понимал, верить песне или благородному рыцарю.

Успокоившись, я впервые за долгое время почувствовал вкус воздуха. Глубокий. Почти сладкий.

Пришлось припарковаться на отшибе, в небольшом лесу. Глушитель кашлянул и затих. В тишине слышно было только, как где-то каркает ворона и стучит моё сердце — слишком часто, слишком громко.

Рядом — захудалый парк аттракционов. Раньше он славился на весь город, теперь стал пристанищем для отбросов. Оттуда тянуло сыростью и гнильём, но мне было всё равно. Я сидел, сжимая руль, и смотрел на покосившиеся качели. В голове было пусто. Впервые за долгое время.

У меня отличное резюме для этого места: игрок с кучей долгов, лёгким алкоголизмом и парочкой персонажей в голове.

Кроу без всякой нежности ощупал мой лоб:

— Мне не нравится твоё состояние. Температура, гематомы, возможно внутреннее кровоотечение. Жить будешь. Вопрос — как?

Я потрогал сломанный нос. В машине было холодно, дыхание запотевало на стёклах. В бывшей комнате страха хотя бы теплее. И может, там осталась та самая бутылка виски.

Я вылез и, пошатываясь, побрёл к зданию. Внутри пахло пылью, мочой и чем-то кислым. Где-то капала вода. Я нащупал дверь, толкнул.

Кидд нашёл бутылку первый, перевернул, долго всматриваясь через горлышко, потряс.

— Шеф, кажется, мы её точно допили.

Я бы сейчас душу отдал за бургер или шаурму, и, быть может, за полную бутылку. Но в карманах — только телефон верзилы и пара мятных жвачек. Жвачки засунул в рот сразу — горечь обожгла язык, напомнила, что я ещё жив.

И тут заиграл шансон. «Кольчик, накопи мне купола...»

Телефон вышибалы лежал в кармане и орал. Я посмотрел на него и только сейчас понял: они же могут его отследить.

— А вы и рады молчать! Не могли подсказать, спецотряд клоунов!

Что-то ударило по затылку. Рука Кроу оказалась крепкой.

— Попрошу без выражений. Надеюсь, ты понимаешь, что это твоё сотрясение, мистер умник. Выключи телефон и попробуй уснуть. Если они начали звонить — уже что-то заподозрили. Крупица времени у нас есть. Игра началась, и ставки весьма крупные. Возьми, выпей трамадол[13].

— Не знаю, как мне поможет нереальное обезболивающее, но спасибо.

Я протянул руку в пустоту. Пальцы сжали воздух, но мне показалось, что в них таблетка. Я проглотил. Глаза закрылись мгновенно. Я провалился в сон, в котором никому и ничего ещё не должен. На лице было подобие улыбки. Сон приятно обнимал, но память, увы, не спрашивает разрешения.

И неожиданно для себя веки сомкнулись, и я снова провалился в это холодное место:

— *Седьмой день здесь. Белые халаты, твёрдая койка, еда из разряда чеховской «Жалобной книги»: лопай, что дают. И въевшийся в кожу запах хлорки. И самое неприятное во всей истории — режим. Сирена не захотела сегодня опаздывать на работу, поэтому в семь я уже натягивал странную серо-голубую одежду.*

Завтрак, три таблеточки разных цветов, всё та же полненькая медсестра солидного возраста и всё тот же голос с хрипотцой и раздражением:

— *Проглотил?*

Есть люди, которые любят свою работу, — эта была точно не из них.

Тупо высунув язык, я зашагал прочь.

Двор был усеян лёгким пушистым снегом, который не хрустел под ногами, но оставлял следы. Прогуливаясь в бахилах, я чувствовал себя грациознее, чем корова на льду, — лишь бы уборщикам облегчить жизнь. Воздух был морозный и отдавал свежестью, заставляя подавленные мысли воскреснуть. Птички, у которых не было визы, недовольно чирикали о своём. Это утешало.

Сегодня она должна приехать, она обещала.

Одиночество здесь было чем-то обыденным. Вряд ли кто-то захочет подпускать кого-то близко и обсуждать своих внутренних демонов. Стыд и стеснение собственного «я» говорили о пациентах гораздо чаще, нежели их рты. В редкие моменты мне удавалось с кем-нибудь заговорить просто, ни о чём: погода, персонал, больничные харчи. Всё здесь было пропитано отчаянием, болью и тихой грустью, смешиваясь с толикой надежды, что им сумеют помочь.

Моя палата была светленькой, можно даже сказать, что уютной. Небольшое окно с видом прямо на высокие ворота всегда было моим главным соратником, особенно во время посещений гостей. Две недели, находясь в режиме «Хатико» [14], я просто сидел и ждал, ждал появления её быстрой походки, рук в карманах, пара изо рта, ниспадающих до пояса волнистых волос, живых глаз и, может, чего-нибудь вкусного из кондитерской. Сегодня я надеялся на эклеры, чувствовал запах пудры и нежнейший крем на языке.

Голос в голове тихо констатировал:

— *Она не придёт.*

— *Если бы захотела, пришла бы раньше.*

Я просто вслушивался в него: ровный, спокойный и чертовски холодный.

— Обманула... Использовала... Предала! Они не помогут... Никто не поможет... Мы абсолютно одни!...

— Но она говорила, что вместе мы справимся! Что врачи найдут подход, что голоса прекратятся, — в этот момент я уже не соображал, мои ли это слова, мои ли это мысли...

Руки начали бить о мягкие стены, искали что-то твёрдое. Голос решил прервать эту сцену командным тоном:

— Оставь их в покое, они тебе ещё пригодятся. И переставай пить ту дрянь, которую нам дают!

Тяжело выдохнув, последний раз взглянув за ворота, сам того не ведая, я оказался у столика. Пластиковый стакан воды одним движением оказался пуст.

Это был глоток жизни с отдалённым привкусом хлорки.

Телефон заорал снова: «Кольщик, наколи мне купола...». И я снова вернулся в неприятную действительность. Нашупав его, открыл глаза — и сразу пожалел. Выключил. Пусть ищут дальше.

Голова была набита мокрым песком. Каждый звук, каждый луч света, пробивавшийся сквозь дыры в стенах, вонзался в мозг. Ветер выл в этих дырах, складывая из воя холод.

Я сел, и мир качнулся. К горлу подступило что-то тёплое и кислое. Мятные жвачки, смешавшись с остатками рвоты, превратились в тот самый вкус, который, наверное, и есть у безнадёги.

— Зрочки реагируют. — Кроу стоял надо мной с фонариком. — Жить будешь. И не удивляйся фонарику, в твоей голове возможно всё. Лучше вытрись.

Он протянул платок с логотипом «Манчестер Юнайтед»[15].

— Серьёзно? Ты предлагаешь вытереть рот платком с эмблемой великого футбольного клуба? Ты вообще из Америки. Откуда там, к чёрту, футбол?

— Это коллекционный. Если обляпаешь — вычту из твоего счёта.

Что-то больно стукнуло по макушке.

— Ай!

— Это не я, — док закатил глаза. — Это твоё повышенное давление. Сеньор Леони, может уберёте уже эти часы к чертовой матери!

— Тик-так, тик-так.

Бруно сидел в углу, поигрывая часами. В его глазах горел огонёк:

— Время не ждёт. Есть план? Или будем лежать, пока Вампир не пришлёт следующего астматика?

Ноги хрустели, но я кое-как поднялся.

Кроу победно пульнул:

— Пациент всё-таки поднял свою задницу.

Почти рассвело. От озера рядом с парком слегка парило. Туда я и отправился.

Кое-как умывшись, я утёрся платком «Манчестер Юнайтед». От него пахло табаком, как, впрочем, и от всего моего тела.

Хотя стоп! Платок мне дал док, значит, он не настоящий. Или я достал его из кармана куртки астматика? Снова путаница между вымыслом и реальностью?

Пытаясь определиться, я окунул голову под ледяную воду. В ней было что-то одновременно успокаивающее и обжигающее. На секунду захотелось никогда не подниматься на поверхность и встретить красотку-русалку с чертовски привлекательным голосом.

Кидд оказался под водой и запел ласково, по-девичьи:

— Заберу тебя с собой, будешь прямо под водой, меня нежно обнимать, своей милой называть...

Я вытащил голову из воды, разбрызгивая капли повсюду, как пёс после душа, и пошёл к колымаге со свежими мыслями.

— Черт побери, неужели нельзя было приобрести себе более качественное корыто!?

Кроу, устроившись на переднем пассажирском, оказался в чёрной кожаной куртке и стильных чёрных очках, делая вид, что крутит ручку газа:

— А может, этот парень предпочитает двухколёсный формат?

— Может... Не люблю мотоциклы. С моим везением лучше даже за них не садиться.

Пират появился рядом из ниоткуда и произнёс почти шёпотом:

— Просто ты не умеешь понимать жизнь... Ветер — это свобода. А свобода — это когда ты можешь его почувствовать.

Навстречу рассвету мы отправились к Мартину. Наверное, к одному из немногих людей, которым я был небезразличен и который мог мне как-то помочь. Солнце светило так, будто на дворе далеко не март, но количество машин на улицах говорило об обратном. Глядя на

это яркое солнце, я подумал: хотелось бы чаще ощущать на себе игру света. Мир чертовски прекрасен. Особенно когда смерть ходит за тобой по пятам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.